

іменні притчі, нерівноскладовий рецитований ритм, українська народна казка. Такі багатокomпонентні структури фігурують як описові номенклатури.

Поряд з лексемами іншомовного походження у філологічній спадщині

М. Грушевського фіксуємо й терміни, утворені шляхом калькування, одним із способів відтворення іншомовних слів засобами рідної мови. Під калькуванням розуміють копіювання іншомовного слова за допомогою свого, незапозиченого матеріалу, тобто поморфемний переклад іншомовного слова [3: 230].

У працях М. Грушевського нами засвідчено лише декілька термінів-кальок, що відображають період становлення української філологічної термінології. Ці іншомовні та кальковані лексеми знаходяться в синонімічних відношеннях і можуть різнитися не лише стилістичною маркованістю, а й навіть семантичними відтінками [6: 48-64]. Наприклад: *післямова* ← *епілог*, *життєпис* ← *біографія*, *рукопись* ← *манускрипт*.

У зв'язку з паралельним вживанням термінів *вірш* і *стих* утворилися кальки із другим смисловим терміноелементом -роб-, -твор- для називання "бездарних поетів": *віршороб*, *віршотворець*.

Загалом же калькування й використання іншомовних термінів без транскрибування нехарактерне для слововживання Михайла Грушевського.

Висновки

1. Значну частину філологічної термінології в працях М. Грушевського складають греко-латинські інтернаціональні терміни, терміни, які мають однакове (або майже однакове) фонетико-морфологічне оформлення в українській і російській мовах, і власне українські терміноназви. Активністю відзначається аналітико-синтаксичний спосіб творення термінів. Для окремих термінологічних одиниць характерним є спосіб творення за допомогою суфіксації з національною маркованістю. Базою для творення цих терміногруп стала давньоукраїнська, латинська й давньогрецька, рідше – французька, польська, іспанська, італійська, німецька мови. Таким чином, у вченого гармонійно співіснують елементи рідної, споріднених мов і традиційні інтернаціональні терміни й терміноелементи.

2. З кількісного погляду показник уживання філологічних термінів

М. Грушевського є досить високим (враховуючи й похідні терміноутворення, які несуть своє навантаження). Так, якщо провести огляд терміновживань іншими визначними діячами, то виявляється, що в філологічних працях М. Грушевського їх найбільше. Якщо у творах І. Котляревського засвідчено 50 філологічних термінів, у творах Г.Ф. Квітки-Основ'яненка ще понад 40, яких немає у І. Котляревського; у Т. Шевченка – 120 [10: 112-113], у М. Драгоманова – 900 [2: 184], у І. Франка понад 1500, то в працях

М. Грушевського – понад 2500 термінів і терміносполук.

3. Учений мав великий вплив на утвердження національної термінології. Він був послідовним у вживанні тих чи інших філологічних термінів. Лише інколи при вживанні термінів простежуються випадки полісемії чи синонімічного вживання окремих слів, тільки деякі терміни мають відмінності у роді (*часотись*, *рукопись*); рідко зустрічаються паралельні морфологічні й словотвірні варіанти (*вірш* – *вірша*, *повість* – *повістка*) чи російські відповідники до українських термінів (*двовірш* – *двостих* і под.)

4. Термінологія М. Грушевського характеризується фонетико-морфологічними нормами дуже близькими до сучасних. Отже, вчений мав вагомий вплив і на вироблення лексико-семантичних норм української терміносистеми.

Філологічні терміни в працях вченого становлять єдину складну систему, в якій простежуються чіткі гіперо-гіпонімічні відношення. Понад 80% вживаних ним термінів увійшли в сучасну мовну практику без змін.

Джерела та література

1. Грушевський Михайло. Історія української літератури. – К.: Либідь, 1996. – Том 6, книга 1.
2. Деркач В.В. Словник філологічних термінів Михайла Драгоманова. – Кременчук, 2000. – 186 с.
3. Кочерган М.П. Вступ до мовознавства. – К., 2001. – 367 с.
4. Лексис Лаврентія Зизанія. Синоніма славеноросская / Підг. текстів пам'яток і вступ. ст. В.В. Німчука. – К.: Наук. думка, 1964. – 259 с.
5. Лексикос славеноросський Памви Беринди / Підгот. тексту і вступ. стаття В.В. Німчука. Надруковано з вид. 1627 р. фотомеханічним способом. – К.: Вид-во АН УРСР, 1961. – 272 с.
6. Молодец В.Н. Особенности русско-немецкого словаря фонетических терминов // Термин и слово. – Горький: Изд-во Горьк. ун-та, 1980. – С. 48-64.
7. Муромцева О.Г. Развитие лексики украинской литературной речи во второй половине XIX – на початку XX ст. – Харків: Вища школа, 1985. – 152 с.
8. Панько Т.І. Нація і мова в системі поглядів М. Драгоманова і М. Грушевського: Текст лекцій. – Львів, 1991. – 24 с.
9. Пінчук С.П., Регушевський Є.С. Словник літературознавчих термінів Івана Франка. – К.: Наук. думка, 1966. – 271 с.
10. Регушевський Є.С. Роль Т.Г. Шевченка в утвердженні в сучасній українській мові літературознавчої термінології // Шевченко і розвиток мов країн соціалістичної співдружності: Тези доп. і повід. респ. наук. конф. – К., 1989. – С. 112 – 113.

Шевчук Т.С.

МИФОЛОГЕМА КНИГИ В РОМАНЕ Т. ТОЛСТОЙ «КЫСЬ»

Проза Т. Толстой является предметом пристального внимания литературоведов СНГ, посвятивших изучению ее творчества многочисленные работы [1], [2], [3], [4], [5]. Роман «Кысь» (2000), получивший широ-

кое признание в критических штудиях и высокую оценку в литературоведческих работах, остается по-прежнему в поле зрения исследователей. В данной статье внимание сконцентрировано на анализе функционирования доминантной мифологемы Книги, представленной в произведении как главная ценность эстетического порядка, способная «спасти мир». Целью работы является осмысление уровней реализации идейно-образной конструкции мифа (мифологемы) Книги в романе Т.Толстой «Кысь». В задачи исследования входит анализ функционирования других архетипических позитивных образов (огонь, культура) в антиутопической парадигме произведения.

В романе-антиутопии Т.Толстой изображается деградировавший, отброшенный в эпоху первобытной соборности мир, пораженный последствиями ядерной катастрофы. В традициях жанра, жизнь локализовалась в городе-государстве, расположенном на месте прежней столицы России, известном в «мире будущего» как Федор-Кузьмичск. Автор изображает общество, пораженное безкультурием, находящееся во власти диких предрассудков и представлений о мире, не имеющее элементарных представлений о духовности, эстетических ценностях; описывается произвол, своеволие и никчемность правителей деконструированной России.

Книга является одним из основополагающих концептов романа, непреходящей ценностью, ставшей заветной в обществе будущего. Значение мифологемы Книги реализуется на следующих уровнях: симулятивный враг, товар, результат творческого труда, символ жизни (бытия), маниакальная цель, семиотический набор.

Симулятивным врагом Книга становится в тоталитарном обществе, изображенном в романе Т.Толстой, приобщение к которой воспринимается как потенциальная опасность. Распространяются нелепые слухи о том, что старопечатные книги заразны, «радиоактивны», вызывают неизвестную болезнь. Книги экспроприруются санитарями, - категорией людей, «лечащих» от вызываемых книгами недугов: «...они забирают и лечат, и люди после того лечения не возвращаются. Никто еще не вернулся» [6, 45]. Санитары как социальный класс, ассоциирующийся с карательными органами, которые «по традиции» продолжают «лечить» тех, кто читает и проявляет малейшие признаки своеволия, вызывают бесконечный страх и ужас у простых жителей: «Вдавиться бы в землю, в глину уйти, слепым червьем стать – только бы не меня! Не меня, не меня, не меня!» [6, 46].

Разъезжая на красных санях, в красных балахонах с прорезями для глаз, контролирующие органы Федор-Кузьмичска ассоциируются с «красным», карательным режимом советской эпохи, а по внешнему виду – с декоративной атрибутикой внеправовой расистской организацией «Кью Клэкс Клэн». Отрицательность образа главного санитаря Федор-Кузьмичска, – Кудеяра Кудеяровича Кудеярова, подчеркивает факт тяжелого, гнилого духа, исходящего от него, необычные после взрывные «последствия», носителями которых он стал. Среди последних – огромные когти на ногах, которыми символически все подгребает герой и его семья, а также лучи лунного света, струящиеся из его глаз. Последнее, как свидетельство не настоящего света, символизирует искаженное, преломленное мировоззрение героя. О разбойничьем характере главного санитаря говорит и усиленное троекратным повторением имя, относящее в интертекстуальном контексте его образ к легендарному казаку-разбойнику Кудеяру, герою народных сказаний Верхнего Дона и Поволжья.

Искусственная симуляция враждебности и опасности определенных книг вызывает в сознании большей части людей, называемых в произведении «голубчиками», не только боязнь чтения, но и нежелание о них говорить. Кудеяров, в откровенном разговоре с Бенедиктом, своим зятем и безвольным исполнителем карательных мероприятий, признается, что на «болезнь» у «голубчиков» взгляд неправильный, поскольку она происходит не от прикосновения к книгам, а зарождается «в головах», от вольнодумия. Прикрываясь идеей «долга перед обществом», «благороднейшей задачей» вести «отсталый, недопонимающий» народ «к светлой жизни», Кудеяров делает зятя слепым орудием реализации своего плана государственного переворота. Средством к этому проницательный заговорщик выбирает Книгу, допуская Бенедикта в свое хранилище.

Существуют и «разрешенные книги», которые выступают в произведении как **товар**. Они ориентированы на массового читателя, которого в романе Т.Толстой представляет самый широкий класс населения – «голубчики». Люди деконструированного мира будущего ведут образ жизни, далекий от цивилизованного. Они говорят на примитивном, полуграмотном наречии, скорее «кулдыкают» и «подъелдыкивают», с удовольствием употребляют ненормативную лексику («Вроде бы и слов немного, а слова-то все веселые такие. Бодрые»), едят мышей, ставших главной единицей обмена, червирей, также грибыши, хлебеду, курят ржавь, нюхают гонобобель. Взаимоотношения между «голубчиками» основаны на взаимном недоверии («Чужой, он и есть чужой. Что в нем хорошего?»), вражде («Сосед для того человеку даден, чтоб сердце ему тяжелить, разум мутить, нрав распалить»), зависти и злости («злость, она хорошо так, тепло внутри пощипывает»). В их обществе обычной потехой является швыряние камней в прохожих, драки, воровство. Главным жизненным принципом «людей будущего» стала необходимость всегда помнить свое место («ниже нижнего – и не высываться»), а проявление своеволия – самым страшным проступком. Своевольем считаются не только действенные манифестации несогласия, но и любого рода размышления: о взаимоотношениях между классами, о необходимости выполнять ту или иную работу, чтение и самовольное хранение книг, пр.

Несмотря ни на что, население внешне не испытывает никаких неудобств и счастливо в своем замкнутом мире. В романе Т.Толстой представлены основные знаковые элементы мифопоэтической «избяной Руси»: крепкие черные избы, натопленная печка, мыши, лежанка, горшки на плетне, высокие сугробы, сани, сарафаны. Идиллические черты «земли обетованной» подчеркиваются рядом деталей с уменьшительно-ласкательной интерпретацией (хозяйюшка, морозец, натопленная печка, дымок из труб, поскрипывающий снежок, протоптанные тропочки).

«Голубчики» с удовольствием посещают книжные рынки и интересуются последними «новинками». Книги, которые доступны всем, представляют собой расхожую литературу, предмет наживы или пустого развлечения горожан: «А цены разные: пять мышей, десять, двадцать, а которые особо завлекательные али с картинками – слышь, и до пятидесяти доходит. Голубчики толпятся, прицениваются, обсуждают: брать не брать, да про что книжица, да какой сюжет, да много ли картинок» [6, 83]. Особым спросом на рынке буду-

щего пользуется увлекательная эпопея «Коза-дереза», роман «Вечный зов», брошюра «Основы дифференциального исчисления». Выдавая детскую сказку за эпопею, автор лишний раз подчеркивает, насколько подменяются ценностные ориентиры у массового читателя, принимающего произведение, ориентированное на уровень развития малого ребенка, за серьезную литературу. Комичны методы завлечения потенциальных читателей: «голубчиком» часто предлагается «последний экземпляр» редкой книги, либо отложенный продавцом «для себя», что эмоционально стимулирует эффект победы у «отхватившего» ценный товар покупателя.

Книга остается **результатом творческого труда** для немногочисленной категории «голубчиков», стремящихся к вдумчивому прочтению. Тихий восторг вызывает книга у скромной труженицы Варвары Лукиничны, «послевзрывным последствием» у которой стало наличие огромного количества грешков на теле. Она стремится осмыслить образную систему стихотворений русских классиков, которые, по долгу службы переписывает, как сочиненные Федором Кузьмичом. Имея задатки настоящего текстолога, Варвара Лукинична обращает внимание на факт разноплановости произведений и приходит к выводу об их ложном авторстве. Ее не удовлетворяет трактовка вопроса («что такое конь?») образами повседневной реальности («конь – это мышь»), так как функции неизвестного ей образа явно не уместаются в предложенное объяснение. Жадный интерес вызывают книги у Льва Львовича, приоритетами для которого выступают работы Плеханова, Плеше, в соответствии с его диссидентскими, политическими интересами.

На протяжении романа раскрывается и другое значение мифологемы Книги, которая как **символ жизни, бытия** выступает воплощением божьего нравственного закона. Этот комплекс воззрений вкладывается в уста культурного героя антиутопии Т. Толстой, – Никиты Ивановича, главного истопника Федор-Кузьмича. Являясь, как и все жители «послевзрывного мира» носителем различных «последствий», он приобрел не только бессмертие, но и умение извергать из груди огонь. Известный исследователь мифов С.А. Токарев указывает, что мифы о происхождении огня являются наиболее распространенными среди народов мира как наглядный и универсальный признак выделения человека из животного царства [7, 240]. Английский исследователь типологии мифов о происхождении и значении огня Дж. Фрейзер выделяет следующие уровни его осмысления: «огонь как спутник и помощник человека в борьбе с хищными зверями; как очищающая и целительная сила; как грозная и опасная стихия; домашний очаг, символ и покровитель семьи» [8, 15].

В антиутопии Т. Толстой мифологема огня раскрывается на всех обозначенных уровнях. Позитивный герой романа реализует возможность давать людям огонь как в реальном, так и в абстрактном смысле: помимо того, что главный истопник заботится о поддержании огня в домах людей, он является, фактически, единственным культурным деятелем нового мира. Как музейный работник в прошлом, герой представляет общество охраны памятников, стремится сохранить и сберечь остатки прошлой культуры. Таким образом, огонь и культура, носителем которых он является, ассоциируются с архетипом жизни в ее материальной и духовной полноте. Не случайно главный истопник постоянно призывает «голубчиков» «проявлять инициативу» в отношении своего духовного развития: «...Пора бы вам, любезный мой, перестать надеяться на дядю и немножечко – ...проявить инициативу. Пора самим добывать огонь», отождествляя понятия духовности и огня. Своим главным занятием Никита Иванович считает восстановление культурных памятников прошлого, пытается организовать раскопки погребенных под толщей земли шедевров: статуй, картин, музейных ценностей. Однако, для «голубчиков» они остаются предметами неизвестного предназначения (срамными каменными бабами), и предпринятые попытки по их реставрации остаются безрезультатными.

Философско-эстетические взгляды Никиты Ивановича раскрываются в общении с еще одним представителем интеллигентной прослойки нового общества – диссидентом Львом Львовичем. Их споры отражают традиционную русскую полемику между западниками и славянофилами. Спасение русской культуры главный истопник видит в «возврате к истокам»: обращении к русской классической культуре, воскрешении национальных святынь, главной из которых является творчество Пушкина. Только «собственными силами», считает герой, Россия способна стать на путь прогресса.

Лев Львович сравнивает развитие России с «мясорубкой истории», через которую прокручивают, меняя насадки, русский народ. Он усматривает прогресс в обращении к западному культурному опыту, плохо понимая, в чем его преимущества и упрямо твердит фразу «Запад нам поможет», интертекстуально отсылающую к ироническому тезису известного героя романа Ильфа и Петрова «Двенадцать стульев». Строки из стихотворения Вл. Соловьева «Каким ты хочешь быть Востоком: / Востоком Ксеркса иль Христа?», которыми умиляется Бенедикт, не понимая смысла, получают отзвук и в интерпретации Льва Львовича. Очевидно, что диссидент делает ставку на Ксеркса, так как постоянно твердит «нам нужен ксерокс», вкладывая во фразу поэта более современное и чрезвычайно упрощенное значение.

Ключевыми в его лексиконе стали слова «ксерокс», «факс», «самиздат», «свобода», «Запад», однако их употребление хаотично и подчас лишено всякого смысла. Диссидент рисует комичную картину покорения Запада Россией, в которой смешаны библейские постулаты («плодитесь и размножайтесь») и функции ксерокса, представления о конструктивных международных контактах связаны с обманом, общение по факсу ассоциируется не с дипломатическими переговорами, а с ненормативной лексикой. В представлении Льва Львовича, уже одно присутствие иностранцев, обманом привлеченных в Россию, обеспечит развитие культурного процесса и сытое существование, знаковыми объектами которого стали ценности исключительно материальной культуры (кофе, мощные дороги, рубашки с запонками, джинсы) с унижительными элементами (гуманитарный шлифованный рис) и откровенно отрицательными (порновидео, террористы). Не случайно, осаживая в споре пыл диссидента, Никита Иванович ласково называет его «голубчиком», что в контексте романа снижает его статус «образованного прежнего», «интеллигента» до уровня безграмотного человека.

Лев Львович категорично называет взгляды Никиты Ивановича «домостроем», упрекает его в «националистических настроениях», близких к славянофильству, толстовству. Писательница дает понять, что в рассуждениях каждого содержится рациональное зерно. Опорными мировоззренческими категориями глав-

ного истопника в романе являются понятия «чуткость», «сострадание», «великодушие», «честность», «справедливость», «душевная зоркость», «взаимопомощь», «уважение к другому человеку», «самопожертвование», а его оппонента – «права личности», «свобода слова», «свобода печати», «свобода собраний», «социальный протест». Однако, как духовное подвижничество Никиты Ивановича не приносит результата, так и лишённые духовности проекты Льва Львовича по реконструкции России выглядят убогими и безнравственными. Т.Толстая приходит к выводу, что соединение практицизма и духовности в России исторически не состоялось, результатом чего и стала культурная катастрофа: «Господи! Какая тьма. На север, на юг, на закат, на восход – тьма без края, без границ, и во тьме, кусками мрака, – чужие избы, как колоды, как камни, как черные дыры в черной черноте, как провалы в никуда, в морозное безмолвие, в ночь, в забвение, в смерть, как долгое падение в колодец...» [6, 71].

Несмотря на комичный результат культурной деятельности Никиты Ивановича (столбы с непонятными надписями, воздвижение карикатурного памятника Пушкину), все устремления главного истопника наполнены искренними, неподдельными чаяниями духовного возрождения страны. Путь к нравственному и эстетическому ренессансу он видит в приобщении людей к Книге, которую справедливо считает главным носителем культуры и символом бытия в его духовной и материальной полноте.

Исходя из постмодернистской ситуации «мир – текст», Т.Толстая моделирует восприятие жизни Никитой Ивановичем как вечный поиск и прочтение книги жизни (книги бытия): «И пусть эта книга скрыта от наших близоруких глаз, пусть таится она в долине туманов, за семью воротами, пусть перепутаны ее страницы, дик и невнятен алфавит, но, все же, есть она, юноша! Светит и ночью! Жизнь наша, юноша, есть поиск этой книги, бессонный путь в глухом лесу, блуждание на ощупь, нечаянное обретение!» [6, 163]. Рассуждения главного истопника остались загадкой для Бенедикта, буквально воспринявшего информацию о наличии редкой книги. Стремясь узнать у Никиты Ивановича перед его казнью, где же хранится редкий экземпляр, он в очередной раз получает ответ, что необходимо «учить азбуку»: азбуку жизни, культуры, духовности.

Книга как **маниакальная цель** стала смыслом жизни и героя-повествователя, Бенедикта. Это – один из лучших, образованных «голубчиков» Федор-Кузьмичска. Его мать, «прежняя» по происхождению, настояла на обучении сына грамоте и работе переписчиком. В русской классической литературе выстраивается ряд героев, связанных с профессией «писца»: дотошный и скрупулезный чиновник Акакий Акакиевич Башмакин; князь Мышкин, наделенный характеристиками юродивого, одновременно ищущего и духовного человека, но не вписывающегося в общество; искалеченный советской действительностью интеллигент-приспособленец с аристократической родословной Левы Одоевцев. Образ Бенедикта завершает этот ряд, представляя собой пародийно-ироничный вариант представителя образованной прослойки общества.

Никита Иванович считает заикленого на обывательщине Бенедикта «раззявой, невеждой, духовным неандертальцем, депрессивным кроманьоном» [6, 142]. Главный истопник, все же, делает ставку на очарованного книгами «голубчика», возлагая определенные надежды на его возможный духовный рост. Он привлекает Бенедикта к работе над памятником Пушкину, проводит с ним беседы, объясняет смысл понятий, связанных с культурой, постоянно призывает учить не просто азбуку, а «азбуку жизни». Никита Иванович увидел в Бенедикте «искру человечности» именно из-за его иррациональной, фанатической любви к Книге. «Его образ, - отмечает С.В. Федорова, - вбирает характерные национальные черты – созерцательность, неудовлетворенность наличным бытием, мечтательность, очарованность. Однако, несмотря на это, в лице Бенедикта Читатель, который должен прийти на смену Автора (с точки зрения постмодернистской эстетики), не состоятелен. Толстая моделирует ситуацию, когда самый литературоцентричный народ в мире – русский – оказывается «собакой на сене»: имея богатую духовную традицию, воплотившуюся в искусстве слова, он ею не владеет, так как не знает «азбуки» культуры» [1].

Будучи еще простым «голубчиком», а не зятем главного санитаря, Бенедикт увлекался чтением книг, заучивал на память стихи. Однако, его примитивному мышлению наиболее импонировали детские сказки, а переписываемые стихи воспринимались через призму реалий «кысского мира». Беззаботная, сытая жизнь в доме тестя не убила в нем неосознанного стремления к развитию: «Все ладно, все хорошо – лучше не бывает. Но чего-то как-бы недостает. Буд-то что-то еще надо. Только забыл что» [6, 172]. Через некоторое время, пресытившись праздностью и бездельем, Бенедикт осознает, что главное в жизни составляют не ценности материального порядка: уют, качественная еда, телесная любовь, а Книга. Наравне с образными впечатлениями, которые способны доставить книга, для героя остаются важными чувство сытости и комфорта, которое обеспечивает натопленная печь, лежанка, миска со сладостями. Как элемент прекрасного, Бенедикт отмечает отсутствие изображения в книгах естественных физиологических процессов, низменного, телесного начала. Эффект эстетического воздействия книги на его воображение заключается в ярком эмоциональном переживании событий: «Не случалось им ни чавкать, ни сморкаться, спят тихо, щеками не булькают, никакая Изабелла или Каролина со сна не опухши; зевнув – зубами не клацают, вскакивают освеженные и распахивают занавеси. И все радостно кидаются в объятия избраннику, а избранник-то кто-же? избранник – Бенедикт, зовись он хоть дон Педро, хоть Сысой» [6, 200].

Область Прекрасного отождествляется с оволебенным в сознании героя топосом Востока, а Книга – с живущей в восточных краях сказочной птицей Паулин, выступающей в сознании «голубчика» символом Красоты. Остальные пространственные координаты произведения, пропущенные через призму восприятия Бенедикта, насыщены негативной окраской: непроходимые дремучие леса на Севере, априори враждебные чеченцы на Юге, ненадежная «дорога-тропиночка» на Западе, путешествие по которой всякий раз вызывает приступы ностальгической рефлексии. Однако, самовлюбленность Птицы как воплощения эстетического идеала, ее эгоизм соответствующим образом характеризуют и отношение героя к ценностям духовного порядка: «Книга! Сокровище мое несказанное! Жизнь, дорога, просторы морские, ветром овеванные, золотое облако, синяя волна! Расступается мрак, далеко видать, раскрасилась ширь, а в шири той – леса светлые, солнцем пронизанные, поляны, тульпаном усыпанные, ветер весенний зефир ветку качает, белым кружевом помавает, а то кружево повернется, веером раскроется, а в нем, как в чаше какой узорной, князь Птица бе-

лая, рот красный, невинный ...» [6, 216].

Любая книга вызывает у Бенедикта восторг. Он читает все без разбора и крайне примитивно оценивает получаемую информацию, просто пропускает ее через себя: «Вот почитает из журнала, а потом «Одиссею» немножко, потом Ямомото какое, или «переписку из двух углов», или стихи, или «уход за кожаной обувью», а то Сартра – чего захочет, то и почитает, все тут, все при нем. На веки веков, аминь» [6, 301]. Характерно, что строка из молитвы имеет отношение не к благословению книг, которыми располагает Бенедикт, а к факту владения этими книгами. Несмотря на упования Никиты Ивановича, герой совершенно безнадежен в плане духовного развития, поскольку отказывается думать, анализировать прочитанное: «Зачем думать?, - размышляет он, - Я жить хочу» [К,123]. С одной стороны, Бенедикт хочет жить, не думая, а с другой – не думать, чтобы жить (выжить), так как в его сознании слишком глубоко укоренился страх перед проявлением своеволия, которое наказуемо в обществе «голубчиков». Оценка уровня развития героя дана в строках песен, которые напевают при беседах с ним Никита Иванович и Лев Львович, намекая на пустоту его внутреннего мира: «степь да степь кругом...», на определенный предел его развития: «суждены нам благие стремленья, да свершить ничего не дано». Почему писательница избрала повествователем героя, который не способен развиваться?

Надежды Никиты Ивановича не оправдались. Духовный рост Бенедикта не состоялся и даже, напротив, шел в пропорциональной «регрессии» по отношению к росту его любви к Книге. Несмотря на уникальную возможность развиваться, имея доступ к книжному хранилищу, герой постепенно утрачивает свои человеческие качества. Бенедикт наделен характеристиками «собаки» как в прямом, так и в аллегорическом значении. Установку на «собачий» характер героя читатель получает сразу: Бенедикт является обладателем собачьего хвостика и потрясающего нюха, безошибочно определяя по запаху книги и местонахождение людей (например, Федора Кузьмича, во время его низложения), чутко улавливает и исходящий от Кудярова покойнический запах, который семья объясняет издержками профессиональной занятости. «Собачьим» стало и его отношение к прежним друзьям и сослуживцам, когда для удовлетворения своей страсти, - поиска Книги, - он предаст всех.

Бенедикт готов предпочесть книге жизнь неграмотных «голубчиков», членов его семьи, детей, друзей. Он предаст всех и вся ради удовлетворения своих интересов, маниакальной страсти к Книге. Герой становится санитаром только ради возможности выискивать все новые и новые книги, идет на убийство, натирая «широкий мозоль» крюком, предаст не только своих бывших коллег и друзей (Варвару Лукиничну, Константина Леонтьевича, Никиту Ивановича), но и саму идею Книги как Красоты, отождествляемую в его понимании со сказочной Птицей Паулин. Рефлексия по поводу своего образа жизни привела героя к осознанию того, что прекрасная птица давно поймана, «провернута на клакеты» и съедена, а ее пухом и перьями теперь набиты богатые подушки, на которых спит Бенедикт.

На протяжении романа Бенедикт пытается ответить на вопрос, заданный ему однажды главным истопником «Что вынести из горящего дома?». Первым побуждением было желание спасти «стуло», оставшееся парню от матери. Позже у героя не остается сомнений в том, что он бы предпочел спасение картины - жизни кошки, сохранение книги, а не человека. Жизнь как ценность окончательно нивелируется в сознании героя, ослепленного всепоглощающей, маниакальной, ослепляющей страстью к Книге: «Голубчики?! Голубчики – прах, труха, кало, дым печной, глина, в глину же и возвернутся. Грязь от них, сало свечное, очески... Ты, Книга, чистое мое, светлое мое, золото певучее, обещание, мечта, зов дальний <...> Ты, Книга! Ты одна не обманешь, не ударишь, не обидишь, не покинешь! Тихая – а смеешься, кричишь, поешь; покорная – изумляешь, дразнишь, заманиваешь; малая – а в тебе народы без числа; пригоршня буковок, только-то, а захочешь – вскружишь голову, запутаешь, завертишь, затуманишь, слезы вспузырятся, дыхание захолонет, вся-то душа, как полотно на ветру, взволнуется, волнами восстанет, крылами взмахнет!» [6, 221].

М.Голубков в исследовании «Русский постмодернизм: начала и концы» отмечает, что Т.Толстая в романе «Кысь», написанном по всем канонам постмодернистского письма, парадоксальным образом «деконструировала саму идею постмодернистской деконструкции» [2, 87]. По мнению исследователя, это связано с тем, что Бенедикт, в силу своей профессиональной деятельности, оказался погруженным в постмодернистскую ситуацию интертекста, будучи переписчиком уже написанных произведений, стал их первым читателем и свободным интерпретатором. Но предполагаемого «рождения Читателя» вследствие «смерти Автора» (Р.Барт) не получилось, поскольку декларируемая в постмодернистской эстетике идея интертекстуальности в романе оказалась разрушительной для культуры. Создаваемый Бенедиктом «под»- и «над»-текст примитивен и нивелирует духовную сущность читаемых им произведений.

В соответствии с канонами французских постструктуралистов, книга воспринимается Бенедиктом именно как текст, **семиотический набор**. Хаотичной и, одновременно, комичной представлена сделанная Бенедиктом классификация книг. Желая навести порядок в библиотеке тестя, Бенедикт расставляет книги сначала по цвету, по формату, затем вырабатывает систему, представленную разнообразными ассоциативными рядами. Он отталкивается от наиболее логичного алфавитного принципа расстановки, но в одних случаях ориентируется на начальную букву фамилии автора, в других – на имя, в третьих – на название книги («...Кафка, «Каши из круп», «Как мужик гуся делил», «Карты звездного неба», «Камо грядеши?»...»). Иногда Бенедикт выбирает ключевое слово («Гигиена ног в походе», «Ногин. Пламенные революционер», «ноготки. Новые сорта»), в других случаях опирается на графический принцип написания названия («Гамлет – Принц Датский», «Ташкент – город хлебный» «Хлеб – имя существительное»), объединяет по аллитеративному и ассонансному принципу («Боборыкин, Бабаевский, Чичибабин, «Бибигон», Гоголь, «Дадаисты. Каталог выставок», «Мимикрия у рыб», «Вивисекция», Тютюнник, Чавчавадзе, «Озеро Титикака»), исходит из этимологической общности фамилий авторов («Хлебникова, Каравалева, Коркия...Колбасьева, Сытин, Голлодный»), цветовых ассоциаций («Белый Бим Черное ухо», Андрей Белый, «Женщина в белом» [6, 206-209]. В каждом случае нарушены логические связи, а читательские интерпретации выглядят дикими и бессмысленными. Воспринимаемые Бенедиктом образы остаются пустыми «знаками», семиотическими едини-

цами.

Таким образом, судьба Книги в «обществе будущего» оказывается трагической. Она становится предметом страстей, в гораздо большей степени реализуясь в качестве симулятивного врага, товара, маниакальной цели, семиотического набора, чем как результат творческого туды или символ жизни (бытия). Раскрывая идейно-образную конструкцию мифа Книги как воплощения духовности и культуры, Т.Толстая развивает традиции мировой литературы. Гибнет цивилизация, изображенная в романе Р.Брэдли «451° по Фаренгейту», представители которой отказались от книг и сожгли «библиотеку человечества». Подобный мотив получил отражение и в романе У.Эко «Имя розы», в котором факт сожжения самой большой в истории человечества библиотеки, располагавшейся в средневековом итальянском аббатстве, символизирует отход от средневекового догматического мировоззрения, прощание с прошлым, зарождение и утверждение нового, гуманистического мировоззрения.

Сюжетная линия романа «Кысь» заканчивается пожаром, на пепелище которого остаются уцелевшие Никита Иванович, Лев Львович и Бенедикт. На вопрос последнего, почему же не сгорели представители «интеллигенции», последовал ответ главного истопника: «А неохота! Не-о-хо-та!», имплицитно декларируя тот огромный потенциал, который несет в себе русская культура, несмотря на жуткие условия, в которые она была поставлена после символического Взрыва. О том, что либо сам Никита Иванович начнет с нуля работу по воскрешению русской духовности (не случайно он оказался совсем голый после пожара), либо это сделает бессмертный дух русской культуры (или дух Никиты Ивановича как ее воплощения), подтверждает и ворчливое утверждение старика о том, что если жизнь и кончилась, то несмотря ни на что, они начнут другую.

При этом полностью уничтожен жалкий городишко Федор-Кузьмичск, а вместе с ним исчезло как культурное пространство отрицательных персонажей (санитаров, перерожденцев, «голубчиков»), так и остатки духовного наследия прошлых столетий (книгохранилище). Идея уничтожения Библиотеки символизирует, с одной стороны, утрату для будущих поколений духовного наследия прошлого, а с другой – начало новой эры, точку отсчета формирования нового мировоззрения, нового вектора культурного развития.

Источники и литература

1. Федотова С.В. Человек в антиутопии XX века // www. Pedsovet.org.
2. Голубков М. Русский постмодернизм: начала и концы // Литературная учеба. – Кн.6. – 2003. – С.71-92.
3. Славникова О. Пушкин с маленькой буквы // Новый мир. 2001. № 3. С.176-182.
4. Калашникова О.Л. Мир через слово: О концептосфере романа Т.Толстой «Кысь» // Литература в контексті культуры: Збірник наукових праць. – Дніпропетровськ, 2002. – Вип. 7. – С.198-206.
5. Шевченко Л.И. Традиции онтологической прозы в дистопии Т.Толстой «Кысь» // Литература в контексті культуры: Збірник наукових праць. – Дніпропетровськ, 2002. – Вип. 7. – С. 208 – 214.
6. Толстая Т. Кысь. – М., 2000.
7. Токарев С.А. // Мифы народов мира: Энциклопедия в 2-х т. – Т.2 / Под ред. С.А.Токарева. – М., 1998.
8. Фрэнгер Дж. Золотая ветвь. Дополнительный том. – М., К., 1998.

Юксель Г.З.

СТРУКТУРА КРЫМСКОТАТАРСКОГО ЖУРНАЛА 20-х ГОДОВ XX ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ ИЗДАНИЙ «ИЛЕРИ», «ЕНЬИ ЧОЛПАҢ», «ОКЪУВ ИШЛЕРИ», «БИЛЬГИ», «ЕШИЛЬ АДА», «ИЛЬК АДЫМ», «АСРИЙ МУСУЛЬМАНЛЫКЪ», «КОЗЬ АЙДЫН», «НЕНКЕДЖАН»)

В 20-е годы прошлого столетия в Крыму отмечается рост крымскотатарских общественно-политических, «толстых» журналов. За короткий промежуток времени в 5-7 лет в свет были выпущены такие издания, как «Бильги» (1920 г.), «Ешиль ада» (1920 г.), «Ильк адым» (1921 г.), «Ненкеджан» (1922 г.), «Еньи Чолпан» (1923-1924 гг.), «Асрий мусульманлыкъ» (1923-1924 г.), «Окъув ишлери» (1925-1929 гг.), «Илери» (1926-1930 гг.), «Козь айдын» (1927-1928 гг.) и др. Все они, будучи важным источником для получения информации о развитии передовой национальной общественно-политической мысли, представляют большой научный интерес, их исследование особенно **актуально** в свете изучения исторического и культурного наследия крымскотатарского народа. Необходимость описания крымскотатарских довоенных журналов объясняется также ограниченностью материала для работы – большинство национальных журналов, по-прежнему, недоступны научной общественности; в крымских архивах, библиотеках, частных коллекциях имеются лишь отдельные номера некоторых изданий.

Отмечая в целом **разработанность** темы крымскотатарской национальной журналистики конца XIX – первой половины XX века в современной науке, отметим работы И.А. Керимова [14, 15], Х. Кырымлы [19], В.Ю. Ганкевича [4], Р. Фазыла и С. Нагаева [16], О.С. Хоменка [17], Н. Р. Абдульвапова и Т.Н. Керимова [1], В.Г. и А.Г. Зарубины [13] и др.

Целью данной работы является описание внутренней структуры крымскотатарских журналов. **Задача** исследования заключается в изучении тематической направленности, рубрикационной системы, особенностей оформления журналов, видов заголовков, а также изобразительных элементов в довоенных крымскотатарских журналах. Обоснованием такого подхода в исследовании является наличие общих черт, присущих практически всем крымскотатарским журналам того периода: общая тематика, повторяющиеся или перекликающиеся рубрики, одинаковые по типу заголовки, единые типографские характеристики. На наш взгляд, такая схожесть в содержании и форме журналов была обусловлена комплексом причин:

– исследуемые журналы, будучи национальными крымскотатарскими изданиями, обсуждали самые острые проблемы, стоявшие перед народом в тот момент – повышение культурного уровня, развитие образовательной системы, литературы, становление национальной науки и т.д. Поднимаемые на